

Ученики, не сумев отказаться, один за другим поблагодарили и приняли дары, расставив всё на маленьком столике рядом со вторым господином. Пирожные, фрукты и несколько кувшинчиков вина — выглядело точь-в-точь как подношения в храме.

Лю Сюаньань как раз в этот момент взял фрукт и откусил. Сладкий. Закончив, он прошелся туда-сюда. Всё в порядке, народ спит, дело идёт чинно, суматошно, но без неразберихи. По-прежнему в нём не нуждаются.

Можно вернуться и продолжить лежать.

А-Нин, не сумев разбудить притворявшегося спящим господина, вынужден был вкалывать за двоих, снова как волчок. Лю Сюаньань, заметив это, с искренним недоумением спросил: почему все не особо заняты, а ты один носишься туда-сюда?

«...»

Вопрос прозвучал настолько неподдельно, что А-Нин одновременно и рассердился, и рассмеялся. Лю Сюаньань подозвал его к себе, вытер ему пот и взял ещё один холодный фрукт со «стола подношений»: «Сколько нам ещё здесь быть?»

«Месяц, наверное», — ответил А-Нин, сам никогда не участвовавший в подобном, а лишь слышавший от других. — Второй господин, кажется, ещё собирается в ближайшие деревни на бесплатный приём к старикам, возьмёт с собой часть учеников. Вот тогда, когда народу поубавится, господин уж точно не сможет лениться.

Лю Сюаньань откинулся назад. Это ещё обсудим.

Ученики Поместья Белого Журавля уже привыкли к повадкам второго господина. Даже сам глава поместья, хоть палкой гони, не мог сделать его расторопнее. Не женился на принцессе — и не раскаялся, по-прежнему где приляжет, там и спит. Видно, лень у него врождённая, а не от хитрости. Некоторые ученики даже подозревали, не редкая ли это болезнь: сонливость, задумчивость, рассеянность, да ещё и бредовые речи. Чем больше думали, тем больше было похоже! Поэтому относились ко второму господину с ещё большим снисхождением и жалостью, иногда даже чистили ему фрукты и резали на удобные кусочки.

А-Нин: «Да перестаньте вы его так баловать!»

Но его никто не слушал.

И безмятежная жизнь «сонного бессмертного» Лю Сюаньяня продолжалась. От нечего делать он вновь и вновь выстраивал в уме карту Города Белого Журавля, снова и снова уточняя маршруты для будущих прогулок. Всё было готово, не хватало лишь князя Сяо. Если же искать изъян, то он считал, что на южной окраине города не хватает башни. Невысокой, этажей в девять, чтобы можно было подняться и полюбоваться закатом и ночными огнями. А в лютые морозы на её шпиле, быть может, будет скапливаться немного снега.

«Господин, господин!» — А-Нин помахал рукой у него перед лицом.

Лю Сюаньань очнулся: «А?»

«Господин, — А-Нин указал на пустой стул поодаль. — Второй господин повёл людей в деревню, вернётся дня через три-пять. А здесь тоже нужен сидящий врач, замены пока нет. Сядьте, а?»

Не дожидаясь согласия, он силой поднял Лю Сюаньаня, усадил на стул и устроил поудобнее — движения были отточенными, будто отрепетированными много раз. Он ликовал: наконец-то появился шанс показать другим, на что способен его господин. Так и хотелось взять барабан и оповестить все окрестные деревни.

Но все остальные присутствующие сохраняли ледяное спокойствие. Лю Сюаньань хоть и сел, но лишь сменил место, чтобы продолжить возводить в уме свою девятиэтажную башню. Ученики же, увидев, что второй господин занял место лекаря, решили, что тот, видимо, устал лежать и захотел посидеть. Сиди, пожалуйста, раз второй господин отсутствует, а стул пустует.

И все продолжили заниматься своим делом.

Лю Сюаньань, подперев голову рукой, прикрыл глаза. Палящее солнце, едва уловимый ветерок на горной тропе...

«Эй! — Через неопределённое время перед ним раздался голос. — Ты что, врач из Поместья Белого Журавля? Я слышал, они звали тебя господином».

Лю Сюаньань открыл глаза. Перед ним стоял юноша лет шестнадцати-семнадцати, с резкими, выразительными чертами лица. Одет в синее, в волосах — синие же украшения, на поясе — кинжал, украшенный самоцветами. Наряд богатый и изысканный, но не в стиле Центральных равнин, скорее похоже на капризного молодого баловня из богатой иноземной семьи.

Лю Сюаньань не обратил внимания на его бесцеремонность и кивнул: «Я врач».

«Мой дядюшка поранился, идти не может. Совсем недалеко, впереди, — продолжил юноша. — Сможешь пойти посмотреть?»

«Как поранился?»

«Упал».

Лю Сюаньань взял сбоку аптечку: «Могу. Пошли».

Юноша, кажется, не ожидал такой согласности и на мгновение замер, но затем быстро догнал его и зашагал рядом. «Врач, ты, наверное, неплохо лечишь?» — спросил он с ухмылкой.

«М-м».

«Ну и ладно. Кстати, меня зовут Юнью. "Юнь" — как облако, "ю" — как безмятежность».

«Недалеко впереди» обернулось долгой дорогой, и не по большой дороге. Чем дальше шли, тем глуше и пустынное становилось вокруг, лишь буйные заросли травы.

Лю Сюаньань удивился: «Пациент—»

Не успел договорить, как лезвие украшенного самоцветами кинжала легло ему на шею, оставив тонкую кровавую полоску.

...

А в это время другая группа прибыла к противоположному склону горы.

«Господин, — Чэн Суюэ распорядилась прибраться в чайной лавке. — Давайте здесь немного

отдохнём».

Гао Линь, управившись с лошадьми и свитой, вернулся и с недоумением спросил: «Что это за запах охлаждающей матки витает на всех прохожих и торговцах? Неужто в этих горах водятся такие опасные гады, что их нужно отгонять?»

«Да нет же, — отозвалась хозяйка чайной, продолжая хлопотать. — Мазь — от зноя, охлаждающая. У меня тоже есть пара коробочек, если нужно, берите. Ученики из Поместья Белого Журавля сейчас на горе бесплатно раздают, каждый может взять. Кого что заболит, тоже могут посмотреть».

«Так это Поместье Белого Журавля, — улыбнулась Чэн Суюэ. — Мы как раз собираемся навестить главу поместья Лю. Но он, полагаю, в таких мелочах сам не участвует?»

«Господин Лю не приезжал, приехал второй господин, да ещё один молодой господин, не знаю точно, кто, — ответила хозяйка. — Говорят, от усталости даже заболел, целыми днями лежит без движения, бедняжка».

Уголок рта Лян Шу дрогнул.

Чэн Суюэ тоже догадалась, что это Лю Сюаньань. Она тут же потянула рукава, чтобы расправить складки, но, опасаясь насмешек со стороны брата и князя, украдкой на них взглянула. Князь уже широким шагом вышел из чайной. Она поспешила за ним: «Чай ещё не подали, мы уже уходим?»

«Ты зачем? Возвращайся! — Гао Линь преградил ей путь. — Князь собирается переодеться».

Чэн Суюэ не понимала: зачем среди бела дня переодеваться?

Но Гао Линь находил это вполне логичным: раз хозяйка сказала, что люди из Поместья Белого Журавля раздают лекарство на горе и второй господин там же, то князь должен предстать во всём параде, дабы в полной мере явить искренность своего сватовства к третьей дочери семейства Лю.

Чэн Суюэ понизила голос: «Но князь ведь и не думает по-настоящему жениться».

Гао Линь пальцем указал назад, на группу дюжих императорских гвардейцев: наш князь, может, и не собирается жениться, но искренность-то нужно продемонстрировать людям императора! Ладно, иди лучше чай пей.

Чэн Суюэ: «Ага».

На этот раз Лян Шу облачился поистине пышно. Иному мужчине такой наряд показался бы неподъёмным. Но когда он шёл, казалось, струилось золото и переливался нефрит. Чэн Суюэ не могла не восхититься: когда князь не убивает и не в крови, он и впрямь прекрасен. Благороден и прекрасен. Рядом со вторым господином Лю они смотрелись бы бесценным сокровищем, истинным пиром для глаз.

Гао Линь шлёпнул её по голове: «Замечаю, что ты ни одно четырёхсложное слово не употребляешь к месту. Возвращайся да почитай побольше книг, а сейчас хватит умничать. В путь».

Свита тронулась в дорогу. Князь Сяо восседал на коне, величавый и блистательный,

приковывая взгляды всех встречных. Не зная его статуса, общительные и любопытные торговцы громко подшучивали: «Молодой господин, вы так нарядно одеты — на смотрины собрались или просто возлюбленную повидать?»

Лян Шу усмехнулся: «За друзьями, выпить».

«Для выпивки такой наряд не нужен, не верим!»

«Верно! Когда я замуж выходила, мой муж и вполвину так красиво не одевался».

«Брось, твой муж где ему равняться!»

<http://bllate.org/book/16268/1464250>